

Субботин Л.В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // *Stratum plus*. №2.

Субботин Л.В., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н. 1995. Археологические древности Буджака: курганы восточного побережья озера Сасык. Одесса.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 1998. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. Одесса.

Топоров В.Н. 1983. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.

Топоров В.Н. 1987. Гора // Мифы народов мира. Т.1. М.

Цивьян Т.В. 1973. К семантике пространственных и временных показателей в фольклористике // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту.

Яровой Е.В. 1985. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев.

SUMMARY

In this work goes about some aspects of world outlook submissions of tribes of Bronze Age. A burial mound is the information generator of the most different level. So, a funeral ceremony is perceived by many researchers as «text» (in semiotic sense), and his elements — as signs. The view of death act is important part in constructing of world outlook which inherent any social cultural community. The death exactly is a central event in life of archaic society, allowing to be attached to the sacral world. The ceremonies of burial in the Bronze Age could include different components of art. They linked with dance (how by the sign system of communication), and with shamanism, and with agon. The art as mean of information transfer submits to the laws of the semiotic systems. The early forms of art were associated not only with the receipt of aesthetic pleasure, but, maybe, even in a greater degree served for the transmission of sacral experience.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ (КЕЛЬТЫ И СЕРПЫ) И ГЕНЕЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ КРШК ЭПОХИ РАННЕГО ГАЛЬШТАТА КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

Историческая общность КРШК (культуры с резной и штампованной орнаментацией керамики) эпохи раннего гальштата Карпато-Дунайского региона известна под несколькими названиями, из которых чаще всего используются термины «восточно-балканский круг памятников раннего гальштата» и «орнаментированный гальштат». В Карпато-Днестровском регионе к ней относят культуры Сахарна-Солончень и Козия, а также культурные группы Балта, Холеркань-Ханска и Тэмзоань.

На сегодняшний день основная масса исследователей придерживается точки зрения, согласно которой у истоков культурно-исторической общности КРШК находилась культурная группа Сихляну, или Сихляну-Рымнице, на Нижнем Дунае. Из нее вырастают культурная группа Тэмзоань, и в результате миграции носителей КРШК на север и северо-восток — культурные группы Холеркань-Ханска и Балта. Затем, в результате миграции в том же направлении представителей более поздних нижнедунайских культур КРШК, — Инсула Банулуй и Бабадаг II, — возникают культуры Сахарна-Солончень и Козия. При этом О.Г. Левицким высказана идея о том, что в генезисе Сахарна-Солончень принимали участие и представители Холеркань-Ханска (1994а). Эту точку зрения принято именовать «дунайской», или «нижнедунайской» гипотезой формирования культурно-исторической общности КРШК.

Восемь лет назад мной была предложена новая гипотеза, рассматривающая Реуто-Днестровском междуречье и прилегающие территории левобережья Днестра в качестве исходного центра генезиса культурно-исторической общности КРШК, а ранний горизонт культуры Са-

харна-Солончень — в качестве исходного звена этой общности (Романчук 2003). За истекшие восемь лет «реуто-днестровская гипотеза» уточнялась и дорабатывалась (Романчук 2004, Романчук 2008; Левинский, Романчук 2006; Романчук 2008а). Отмечу основные её моменты. Во-первых, я сопоставил орнаментацию керамики культур Сахарна-Солончень и Козия (культур «орнаментированного гальштата» к востоку от Карпат), с одной стороны, и орнаментацию керамики культур «орнаментированного гальштата» на Нижнем Дунае и в Болгарии — Бабадаг I-II, Пшеничево, Асеновец, Лонгоза I-II и Инсула Банулуй — с другой. В результате выяснилась очень высокая степень различия геометрической орнаментации керамики в этих двух областях КРШК (Романчук 2003: 61-68).

Для анализа я использовал три основных параметра:

1) соотношение резной и штампованной орнаментации в культурах Сахарна-Солончень и Козия в сравнении с дунайскими культурами (общепринято, что орнаментация керамики КРШК развивалась от резной к штампованной);

2) доля каннелированного орнамента в культурах Сахарна-Солончень и Козия в сравнении с дунайскими культурами;

3) степень проявления в Сахарне-Солончень и Козии основных культуропределяющих мотивов орнаментации культур Бабадаг и Инсула Банулуй.

В результате были сформулированы следующие выводы.

Во-первых, учитывая общий ритм развития КРШК, — от резной орнаментации керамики к штампованной, — мы приходим к заключению/выводу о том, что предком культуры Сахарна-Солон-

чень нельзя считать не только Инсула Банулуй и Бабадаг, или болгарские культуры КРШК, но и Козию. Культура Сахарна-Солончень отличается не только от Бабадаг II и Инсула Банулуй, но и от других культур КРШК (в том числе и Козии) значительно более высоким удельным весом резной и прочерченной орнаментации. А именно — до 45% керамики украшено только резным и прочерченным орнаментом (Романчук 2003: 55-61; подсчеты по отдельным поселениям произведены М.Т. Кашубой (2000: 309). При этом в Инсула Банулуй резной орнамент вообще периферийное явление, а, абсолютно преобладает в ней именно штамп (Gumă 1993: 206). И даже в Козии господствует штампованный орнамент, — резной орнамент отдельно от штампованного в ней не встречается (Laszlo 1972: 212).

Вторым параметром сравнительного анализа стал каннелированный орнамент. Общеизвестно, что его удельный вес нарастает в течение раннего гальштата — причем как для культур «каннелированного гальштата», так и для «орнаментированного» — под влиянием с запада, из Среднего Подунавья. Поэтому его доля в общем фонде орнаментации может быть использована в качестве хроноиндикатора.

Как подтвердило еще раз исследование М.Т. Кашубы (2000), из всех культур «орнаментированного гальштата» именно Сахарна-Солончень отличается максимально низкой долей каннелюр в орнаментации. Каннелированный орнамент в ней практически отсутствует, лишь на наиболее позднем поселении Алчедар III, по данным М.Т. Кашубы, он более выражен. Но и там его доля составляет всего лишь 0,7% (Кашуба 2000: 472). Уже в Козии каннелюр больше, хоть и незначительное. В Бабадаге же, начиная с нижнего слоя, каннелюры занимают достаточно заметное место, наряду со штампом и резным орнаментом, а к третьему горизонту он окончательно вытесняет и резьбу и штамп. В Инсула Банулуй и количество каннелюр, и степень их разнообразия еще больше (Morintz, Roman 1969: 411; Hänsel

1976: Taf.VIII; Gumă 1995: pl.XVI). Фактически, идет спор о первенстве между каннелюрой и штампом в орнаментации Инсула Банулуй.

Данное наблюдение весьма примечательно еще и потому, что в причерноморской лесостепи каннелюры появляются еще в раннем Чернолесье, а в фазе Чернолесье II, в Григоровской и Ленковецкой группах, уже достаточно заметны (Смирнова 1983: 62; Смирнова 1984: 46). Аналогично в белозерской культуре прочерченный орнамент почти всегда используется совместно с каннелированным (Ванчугов 1993: 34), и последний в ней тоже достаточно заметен (10 из 20 орнаментальных мотивов, выделенных В.П. Ванчуговым). Поэтому, если придерживаться версии о происхождении Сахарна-Солончень от Инсула Банулуй и Бабадага или даже от Козии, то она оказывается некоей необъяснимой аномалией, «островом исключений» в общем согласованном ритме развития культур раннего гальштата Карпато-Подунавья и культур предскифского времени Северного Причерноморья (Романчук 2003: 59; Романчук 2004).

Наконец, третий параметр — анализ степени проявленности или вообще наличия в культурах Сахарна-Солончень и Козии основных, базовых мотивов орнаментации дунайских культур Инсула Банулуй и Бабадаг (Романчук 2003: 61-68).

Итак, основным, «культурно-определяющим» мотивом орнаментации для культур Бабадаг I и II является мотив «концентрических окружностей, соединенных касательными» (или, как их называют обычно, «касательные к окружностям»). Однако этот мотив отсутствует в культуре Козия полностью (Laszlo 1972: 212; Hänsel 1976: Taf. VIII; Iconomu 1996: 33), а в культуре Сахарна-Солончень представлен очень незначительно: от 0,3% на ранних памятниках до максимум 2% — на поздних (Кашуба 2000: 310). То есть, возникает вопрос: если культура Бабадаг участвовала в генезисе Козии и Сахарна-Солончень, то почему главный мотив орнаментации керамики Бабадага

почти или вообще отсутствует в Сахарна-Солончень и Козии?

Переходя к Инсула Банулуй, отметим, что ее базовыми, наиболее яркими орнаментальными мотивами являются различные криволинейные узоры, в первую очередь, штампы в виде буквы S, W, V и ряд других. Однако, здесь сразу замечаем, что в культуре Козия опять-таки отсутствует полностью как мотив в виде буквы S, так и другие криволинейные — W, Σ-образные и Ω-образные, гирлянды или аркады, ряды маленьких спиралей (Laszlo 1972: 212; Hänsel 1976: Taf. VIII; Iconomu 1996: 33). Впрочем, более того, сравнивая сводные таблицы типов орнаментации, представленной в культурах Козия и Инсула Банулуй (Morintz, Roman 1969: 411; Hänsel 1976: Taf. VIII; Gumă 1995: pl.XVI), мы приходим к выводу о том, что в орнаментации Козии отсутствует примерно 90% орнаментальных мотивов, характерных для Инсула Банулуй.

В Сахарна-Солончень хоть и присутствует часть упомянутых штампов, но они очень редки, в том числе и штамп в виде буквы S. Что касается W, Σ-образных и Ω-образных штампов, то они практически отсутствуют. А гирлянды или аркады, ряды маленьких спиралей — отсутствуют вообще. Следовательно, опять возникает тот же вопрос: почему, но уже Инсула Банулуй, не передала совсем или почти не передала Сахарна-Солончень свои базовые мотивы орнаментации?

Остановившись отдельно на штампе в виде буквы S, замечу, что и он, по моим подсчетам, представлен менее чем на 3% орнаментированной керамики культуры Сахарна-Солончень, из опубликованной на сегодня (Романчук 2003: 63). При этом S-овидный штамп, в отличие от Инсула Банулуй, нигде не доминирует, а всегда только сопутствует, обрамляет другие типы орнамента. Отмечу также такой очень важный момент. А именно, — на ранних поселениях Сахарна-Солончень штамп в виде буквы S вообще или почти не представлен. Об этом свидетельствуют данные А.И. Мелюковой и М.Т. Кашубы

(2000). Так, штамп в виде буквы S полностью отсутствует в Цахнауцах, которое А.И. Мелюкова отнесла к одним из наиболее ранних поселений в культуре Сахарна-Солончень. Далее, он «практически полностью» (цитирую — А. Р.) отсутствует на таких поселениях как Сахарна-Маре, или Солончень-Хлиная, которые М.Т. Кашуба относит тоже к числу самых ранних. В Солончень-Хлиная, по утверждению М.Т. Кашубы, «весьма малочисленный S-овидный штамп встречается в комплексах с элементами Басарабь-Шолданешть» (Кашуба 2000: 416), то есть уже фактически после завершения существования культуры Сахарна-Солончень. Таким образом, мы приходим к выводу, что S-овидный штамп для орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень — это всего лишь результат соседского влияния, и достаточно позднего.

Как и ранее, я полагаю, что такие результаты сравнения, — отсутствие в орнаментации Козии и Сахарна-Солончень главных мотивов Инсулы Банулуй и Бабадага, — невозможно примирить с общепринятой сегодня точкой зрения о происхождении Козии и Сахарна-Солончень в результате миграции носителей Бабадага и Инсула Банулуй к востоку от Карпат. Другие культуры КРШК, с территории Болгарии, на роль предка Сахарна-Солончень и Козии подходят еще меньше. Замечу здесь, что недавно И. Чиборра подробно рассмотрела на новой источниковой базе и гальштатские памятники Юго-Восточной Болгарии и турецкой Фракии, начиная с памятников переходного времени от бронзового века к гальштату. Как следует из ее работы, начиная с самой ранней фазы Алада (исследовательница датирует её, начиная с XIII в. до Р. Х.), орнаментальный ансамбль памятников региона включает в себя и зубчатый штамп (И. Чиборра его называет «псевдо-шнуровой» орнамент), и «клетчатую штриховку», и криволинейные композиции — мотив «касательные к окружностям» (Czyborra 2005: 109). Далее же, в памятниках типа Чаталки, Пчеларо-

во, Вилеград, все эти тенденции только нарастают. Плюс, к ним добавляется уже «S-овидный штамп» (Czybotta 2005: 110-121). О более же поздних группах болгарского раннего гальштата и говорить не приходится.

Сравнив по этим же трем параметрам орнаментацию культуры Сахарна-Солончень и ранних групп КРШК — Балта, Вынэторь, Рымнице, Сихляну, Тэмэоань, Фолтешть, Холеркань-Ханска — я обнаружил, что группы Холеркань-Ханска, Фолтешть, Вынэторь и Тэмэоань также не могут быть приняты в качестве предков культуры Сахарна-Солончень (Романчук 2003: 73-78; 2004). Этому препятствует как наличие ряда «дунайских» мотивов в орнаментации керамики этих групп, отсутствующих в орнаментальном фонде Сахарна-Солончень, так и высокий удельный вес и разнообразие каннелированного орнамента в этих группах (вплоть до очень высокого в Холеркань-Ханска, по данным О.Г. Левицкого (Levički 1994a) и В.П. Ванчугова (Ванчугов 1993: 36)). Наибольшую близость к Сахарна-Солончень продемонстрировала только группа Балта, также практически не использующая каннелюры (Ванчугов 1993; Vančugov 1996). Однако и в орнаментации керамики группы Балта в конце ее существования мы отмечаем появление ряда дунайских мотивов (прежде всего, мотив «гирлянды»), отсутствующих в орнаментации Сахарна-Солончень.

Летом 2006 года был обнаружен (впервые, насколько мне известно) памятник культуры Сахарна-Солончень и на Левобережье Днестра, у села Рашков (Левинский, Романчук 2006; Levinskii, Romanciuc 2006).¹ Этот пункт полностью смыкает ареалы культуры Сахарна-Солончень и группы Балта, и без того фактически отделенные только Днестром (Шершенцы — памятник группы Балта расположен менее чем в 10 км от Днестра). Это ставит нас перед необходимостью рассматривать

¹ Напротив, на правом берегу Днестра, расположен сахарнянский могильник Климэуц де Жос.

вопрос об объединении группы Балта и ранней фазы культуры Сахарна-Солончень в единый комплекс.

Исходя из всего вышеизложенного, я предположил, что культура Сахарна-Солончень возникает в Реуто-Днестровском междуречье, на территории, не занятой (как следует из картографирования археологических памятников) носителями культуры Кишинев-Корлатень, причем возникает раньше, чем к востоку от Карпат образуется культура Кишинев-Корлатень (Романчук 2003: 110-117). Соответственно, группа Холеркань-Ханска и Тэмэоань могут быть объяснены как результат выплеска избытка населения из Реуто-Днестровского междуречья на юг, в сторону Нижнего Дуная. Эти переселенцы, соответственно, испытали на себе влияние (как в случае с Холеркань-Ханска — уже очень значительное) со стороны носителей «каннелированного гальштата», прежде всего, культуры Кишинев-Корлатень.

Таким образом, предложенная мной гипотеза происхождения КРШК и культуры Сахарна-Солончень радикально отличается как от общепринятой сегодня «дунайской» гипотезы, так и от прочно, давно и справедливо отвергнутой «чернолесской». Насколько мне известно, подобная гипотеза ранее никем не предлагалась ни в целом, ни хотя бы в отдельных своих идеях (ср.: Бруяко 2006: 249).

И хотя я полностью согласен с И.В. Бруяко, что «геометрическая орнаментация» не принадлежит к числу исконных, устойчивых признаков для культур Причерноморья, в отличие от Карпато-Подунавья (Бруяко 2005: 16), но, на мой взгляд (Романчук 2003: 101, 104), для Карпато-Подунавья следует говорить о двух, территориально отличных, традициях «геометрии». Первая, западная, тяготеющая к Балканам и Средиземноморью — дунайская и трансильванская (культуры бронзового века Гырла Маре, Виттенберг, Отомань, Сучиу де Сус), или традиция «криволинейной геометрии». Вторая же традиция, имевшая распространение к

востоку от Карпат, — традиция «строгой геометрии», не знающая криволинейных орнаментов. Ко второй относится, прежде всего, культура Костиша и, в значительно меньшей степени — Монтеору (поскольку в орнаментации керамики Монтеору не просто встречаются, но и доминируют на поздних этапах ее существования криволинейные мотивы, например, мотив «гирлянды»), а также заметно представлены и каннелюры (Романчук 2003: 101)).

Поэтому, учитывая, что ни ранние памятники культуры Сахарна-Солончень, ни группа Балта, ни другие ранние группы КРШК не знают «криволинейной орнаментации», то именно к традиции «строгой геометрии» эпохи бронзы Карпато-Дунайского региона и восходит в конечном итоге генезис исторической общности КРШК. И в этом качестве единственный, на мой взгляд, приемлемый претендент — представитель традиции «строгой геометрии» Карпато-Дунайского региона — культура Костиша. Однако остается неясным вопрос о переходном звене между культурой Костиша и собственно уже ранними группами КРШК.

Такими были основные выводы, представленные мной в ранее опубликованных работах.

В настоящей статье я хотел бы рассмотреть категорию изделий, которые ранее не привлекал к анализу проблемы генезиса КРШК, а именно — металлические изделия раннего гальштата, конкретно — бронзовые топоры-кельты и серпы.

В последние годы появился ряд работ, в которых предприняты попытки связать распространение некоторых нижнедунайских типов кельтов в Карпато-Дунайском регионе в эпоху раннего гальштата с продвижением носителей КРШК с Нижнего Дуная на север. Я имею в виду ряд важных работ В.А. Дергачева, в том числе в соавторстве с В.С. Бочкаревым, а также интересные разработки Е. Ушурелу (Дергачев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Uşurelu 2003; Uşurelu 2006). Но именно потому, что эти работы так хороши, у нас

появляется возможность очень четко и однозначно доказать, что интерпретация В.А. Дергачева и Е. Ушурелу в данном случае ошибочна.

Итак, какие типы изделий имеются в виду и какова точка зрения В.А. Дергачева и Е. Ушурелу?

Начну с того, что В.А. Дергачев, рассматривая металлические изделия Карпато-Дунайского региона и Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы — раннего гальштата, обошел вниманием те типы бронзовых кельтов и серпов, которые можно было бы связать с культурами Сахарна-Солончень и Козия. Он отметил, что «сугубо предварительно, по данным металлических изделий, истоки этих культурных групп (Сахарна-Солончень и Козия — А. Р.) обнаруживаются в памятниках центральных районов Северной Болгарии, в носителях Вырбицкого очага металлообработки. Эти истоки выявляются по весьма ограниченной, но достаточно выразительной серии изделий... По ряду признаков они, вне сомнения, восходят к традициям Вырбицкого очага металлообработки, хотя и сочетают в себе ряд специфических элементов, свойственных трансильванским традициям» (Дергачев 1997: 58) В качестве примера В.А. Дергачев называет одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами. Орнаментация этих кельтов восходит к Вырбицкому очагу, а наличие ушка связывает их с трансильванской традицией.

На этом основании, а также потому, что эти типы изделий представлены и в Трансильвании, В.А. Дергачев предположил, что движение носителей КРШК шло с Нижнего Дуная не напрямик, вдоль Карпат, а через Юго-Восточную Трансильванию.

Замечу, что как для носителей Сихляну-Рымнице, Тэмэоань, или Радовану (еще одного часто называемого претендента на роль исходного звена КРШК), занимавших зону юга Молдовы и восток Мунтении, так и тем более для носителей культуры Бабадаг (занимавшей Доб-

руджу), подобный вариант миграции в Карпато-Поднестрие — все равно, что для нас ехать из Кишинева в Киев через Москву. Тем более, что и никаких следов движения носителей КРШК через Трансильванию мы не наблюдаем. Поэтому проделанный В.А. Дергачевым типологический анализ свидетельствует лишь о том, что упоминаемые им типы металлических изделий — это результат синтеза вырбицких и трансильванских металлургических традиций. Происходил этот синтез, скорее всего, действительно в Трансильвании.

Е. Ушурелу, в свою очередь, составил каталог, произвел картографирование находок кельтов Карпато-Поднестрия, восходящих к традициям Вырбицкого очага, и уже достаточно уверенно связал этот тип кельтов с культурами Сахарна-Солончень и Козия (Uşurelu 2003: 214). Однако кто реально были носители традиций Вырбицкого очага металлообработки в эпоху раннего гальштата? Именно этот вопрос не задали себе ни В.А. Дергачев, ни Е. Ушурелу. Между тем, ответ на него даст нам ответ и на вопрос, кто принес традиции Вырбицкого очага металлообработки в Карпато-Поднестрие.

В более позднем фундаментальном исследовании, посвященном бронзовым серпам Восточной Европы поздней бронзы, написанном совместно с В.С. Бочкаревым, по поводу серпов типа Вырбица читаем следующее: «К сожалению, ничего конкретного нельзя сказать о возможной культурной принадлежности серпов этого варианта» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274).

Однако В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев смогли путем картографирования очертить достаточно четко ареалы изделий как Вырбицкого очага металлообработки, действовавшего в эпоху раннего гальштата, так и другого нижнедунайского, более раннего — Дичевского очага эпохи поздней бронзы (Дергачев 1997: 82-84; Дергачев, Бочкарев 2002: 272-274). Так, «серпы варианта Дичево и в количественном отношении и по плотности местонахожде-

ний концентрируются преимущественно в Низовьях правого и левого берега Дуная, где они отчетливо соотносятся с ареалом поздних фаз культуры Тей и ареалом культуры Кослоджень» (Дергачев, Бочкарев 2002: 273). Причем происхождение и производство серпов типа Дичево по их мнению, следует связывать с ареалом и носителями «главным образом культуры Кослоджень». То есть, Мунтения и Добруджа — вот ареал очага Дичево. Что же касается серпов типа Вырбица, распространенных в НаА1, то по сравнению с серпами типа Дичево «их ареал явно смещен к западу» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). И местом их производства авторы полагают треугольник Вырбица-Градешница-Русе в Северной Болгарии. По их мнению, «подобное заключение полностью согласуется и с общей тенденцией пространственной эволюции Дичевского очага металлообработки, который на этапе перехода к раннему гальштату смещается несколько на запад — из Нижнего Подунавья и Добруджи — в центральные районы северной части современной Болгарии».

Действительно, этот вывод полностью подтверждается и привлечением к анализу кельтов типа Вырбица (Дергачев 1997: 82-83).

В целом, В.А. Дергачев приходит к выводу о том, что Дичевский очаг металлообработки и, соответственно, культура Кослоджень, оказали чрезвычайно сильное влияние на формирование и развитие Вырбицкого очага еще в позднем бронзовом веке (Дергачев 1997: 50). В НаА1 же, полагает он, культура Кослоджень прекращает свое существование в Добрудже и Мунтении, ее носители частично отступают к западу, в центральные районы Северной Болгарии, и принимают активное участие в дальнейшем функционировании Вырбицкого очага. Чрезвычайно интересным в этой связи кажется еще один вывод В.А. Дергачева: «...что принципиально важно, с «исчезновением» культуры Кослоджень и распространением на ее месте культуры Пре-Бабадаг или Бабадаг I, в Ни-

зовьях Дуная полностью утрачиваются выработанные здесь на протяжении позднего периода бронзы местные традиции металлообработки» (Дергачев 1997: 50). Заметим!

Из этого ясно следует, что носители Пре-Бабадага и вообще ранних групп КРШК на Нижнем Дунае не только не унаследовали традиции Кослоджень в металлообработке, но и, видимо, стали причиной разрыва этой традиции. Считать после этого Радовану или иные «поздние проявления Кослоджень» предком ранних групп КРШК кажется странным.

Возвращаясь к проблеме культурной принадлежности носителей традиций Вырбицкого очага металлообработки, отметим, что ареал Вырбицкого очага металлообработки не совпадает с ареалом Бабадага и Рымничеле-Сихляну-Тэмзоань или Радовану. Совпадает же ареал Вырбицкого очага металлообработки для эпохи поздней бронзы, с ареалом культуры Зимнича-Пловдив (что отмечает и В.А. Дергачев (1997: 50)). Для эпохи раннего гальштата — с ареалом культур Зимнича-Новград и Сборяново.

Впрочем, если говорить о тех металлических изделиях Карпато-Поднестрия, восходящих к Вырбицкому очагу, которые В.А. Дергачев и Е. Ушурелу имеют в виду — кельтах тапа найденного в Требуженах, то, исходя из их датировки, мы должны обратиться к рассмотрению именно культур Зимнича-Новград и Сборяново.

Что касается культуры Зимнича-Новград, или раннегальштатского горизонта погребений могильника Зимнича, то единственный тип орнаментации керамики для них — это каннелюры в виде аркад и зигзагов, а керамический тип — черпаки усечено-конической и «полусферической» формы (Alexandrescu 1978: 117-119). Сама А. Александреску сопоставляла керамику Зимнича-Новград прежде всего с такими культурами каннелированного гальштата, как Выртоп, Мери, Сусани (Alexandrescu 1978: 123). Точно также и

могильник в Сзулешть, на который тоже ссылается в связи с группой Зимнича-Новград М.Т. Кашуба, демонстрирует в орнаментации керамики исключительно каннелюры (Bassa, Marghitan 1967: 105). То есть, Зимнича-Новград — это культура каннелированного гальштата.

Что же касается Сборяново, то, во-первых, орнаментация керамики этого могильника — тоже каннелюры. Во-вторых, во всех трех фазах Сборяново основным керамическим типом являются сосуды типа «кантарос» (Czyborra 2005: 99-101). Получается, что, орнаментальный (и, в целом, керамический) ансамбль как Сборяново, так и Зимнича-Новград, никак не соответствуют идее о том, чтобы связывать с ними генезис культур Сахарна-Солончень и Козия. Напомню в этой связи, что ранее М.Т. Кашуба попыталась продемонстрировать, что погребальный обряд КРШК мог сформироваться в среде культур позднего бронзового века на Нижнем Дунае и в Болгарии. Она обратила внимание как раз на группы Зимнича-Новград и Сборяново (Кашуба 2000: 286-287). Однако допущение, что какая-либо из этих групп могла стать источником погребального обряда для КРШК, ничем не обосновано. Если носители традиций Зимнича-Новград и Сборяново и продвигались в Карпато-Поднестрие, то к генезису Сахарна-Солончень и Козии они отношения явно не имеют.

К генезису же какой культуры раннего гальштата Карпато-Поднестрия они могли иметь отношение? Полагаю, ответ достаточно ясен — это культура каннелированного гальштата Кишинев-Корлатень.

Это очевидно вытекает из того, что самые ранние проникновения кельтов Вырбицкого типа в Карпато-Поднестрие фиксируются уже в НаА1 — они представлены в кладе Ружиоаса (Uşurelu 2003: 214), который содержит изделия BrD - НаА1 и связывается всеми исследователями именно с культурой Кишинев-Корлатень (Leviţki 1994: 145). В пользу

этого свидетельствуют также как аналогии молдавских находок кельтов традиций Вырбицы (назовем этот тип кельтов типом «Ватич-Требужень», по двум из местонахождений в Молдове), так и датировки этих аналогий. Так, Е. Ушурелу, подробно рассмотревший этот вопрос, аналогии типу Ватич-Требужень видит в Северо-Западной Болгарии, где они датируются НаА1 – А2; в Трансильвании, Банате (то есть, ареале Хинова!), юго-восточной Сербии и Воеводине — тоже НаА1 и НаА2 (Uşurelu 2003: 214-217). А в Добрудже, Олтении и Мунтении такие аналогии датируются НаВ1.

Таким образом, мы видим, что в Карпато-Поднестровье вырбицкие традиции проникают ранее, чем в Олтению, Мунтению и Добруджу, и проникают через Трансильванию, где они и приобретают характерный трансильванский отпечаток. При этом кельты Вырбицкого типа могли быть принесены в Карпато-Поднестровье как непосредственно носителями культуры Зимнича-Новград, так и, скорее всего, носителями соседней с ней с запада, из района Железных Ворот, группы Хинова (или, как ее еще называют, Хинова-Мала Врбица). Именно группу Хинова сегодня рассматривают как основного предка культуры Кишинев-Корлатень (Gumă 1995).

Такая интерпретация кельтов типа Ватич-Требужень отлично согласуется и с картографированием находок: все они, за исключением кельта из Матеуць, ложатся в ареал культуры Кишинев-Корлатень, к западу от Реута (Uşurelu 2003: 212). Такая интерпретация позволяет разрешить еще одну загадку, которая хорошо обрисовалась в результате анализа металлических изделий раннего гальштата, проделанного В.А. Дергачевым (1997), но им сами замечена не была. Исследователь пытается, вслед за другими ведущими специалистами в этой области (Г.И. Смирновой, А. Ласло, О.Г. Левицким), связать происхождение металла культуры Кишинев-Корлатень с регионом Среднего Дуная (Дергачев 1997: 54). Однако, как следует из составленных карт (Дергачев 1997: 98-

101, карты 20-23), среднедунайские типы практически не проникают в ареал культуры Кишинев-Корлатень, а останавливаются в Трансильвании, то есть, в ареале другой культуры каннелированного гальштата — культуры Гава, причем там концентрация их велика (!).

Замечу, что в более поздней работе, посвященной серпам Восточной Европы, В.А. Дергачев и сам заметил это обстоятельство. Указывая, что серпы среднедунайских серий в ареале культуры Кишинев-Корлатень или культуры Белозерка встречаются крайне редко (Дергачев, Бочкарев 2002: 290), он вместе с В.С. Бочкаревым склонен объяснять это тем, что в ареале Кишинев-Корлатень металлопроизводство вообще практически задухает из-за отсутствия доступа к сырью и дефицита металла (Дергачев, Бочкарев 2002: 307).

Между тем, именно интерпретация, связывающая металл культуры Кишинев-Корлатень с деятельностью Вырбицкого очага металлопроизводства, в максимальной степени позволяет разрешить все имеющиеся загадки и противоречия, не требуя никаких натяжек ни с хронологией, ни с культурным обликом различных общностей раннего гальштата.

Итак, для эпохи раннего гальштата мы можем уверенно говорить, что проникновение в Карпато-Поднестровье металлических изделий, восходящих к традициям Вырбицкого очага металлообработки, никак не связано с продвижением КРШК. А как обстоят дела с эпохой поздней бронзы?

Как уже указывалось выше, для эпохи поздней бронзы ареал Вырбицкого очага соответствует ареалу культуры Зимнича-Пловдив. Керамика этой культуры, как правило, не орнаментирована, но изредка в ней все же используется резной орнамент. Однако этого факта явно недостаточно, чтобы возводить к Зимнича-Пловдиву генезис КРШК. Резной орнамент в орнаментации керамики Зимнича-Пловдив — очевидно периферийный признак. Главными же типами в керамическом ансамбле культуры Зимнича-Пловдив являются двуручные вазы с округлым туловом

(для них часто употребляют термин «кантарос») и «аскоидные» (со скошенным устьем) кружки и черпаки (Alexandrescu 1973: 77-78, 81). При этом в орнаментации *кантарос* используются и каннелюры, а некоторые сосуды этого типа орнаментированы в стиле культуры Тей (мотив «ромб в ромбе» и, что особенно важно, с использованием «клетчатой штриховки»). Александрина Александреску считает их заимствованными из фазы Тей IV. Некоторые же разновидности кружек, по ее мнению, являются имитацией типов культуры Гырла Маре.

Полагаю, что поскольку КРШК не демонстрирует преемственности с Зимнича-Пловдив именно по главным признакам, то это очевидно противоречит возможности возводить генезис КРШК к Зимнича-Пловдив.

В связи с культурой Зимнича-Пловдив уместно рассмотреть и «аспект Радовану» или, как еще его часто определяют, «позднюю фазу культуры Кослоджень» (к Радовану обычно добавляются также такие поселения Кослоджень как Ульму, Доробанцу, Султана, где была обнаружена резная орнаментация характерного облика). Как уже указывалось выше, часто и «аспект Радовану» пытаются принять в качестве предка КРШК.

Н. Палинкаш, один из крупнейших на сегодняшний день специалистов по культуре Кослоджень, вообще выражает сомнение в существовании особого «культурного аспекта Радовану». По мнению Н. Палинкаш, поселение Радовану, как и исследованные ею Кэсчиоареле и Попешть, всего лишь демонстрируют заметное влияние со стороны культуры Зимнича-Пловдив (Palincaş 1997: 252). Это проявляется, прежде всего, в значительном присутствии на этих памятниках характерного для Зимнича-Пловдив керамического типа — *кантарос* (большие двуручные сосуды с округлым туловом и открытым устьем), широко представленного на Нижнем Дунае и в Болгарии, начиная еще с эпохи средней бронзы. Тип

кантарос представляет собой результат влияния с юга, со стороны Македонии (Leahu 1978: 68).

Сама первооткрывательница памятников поздней бронзы Нижнего Дуная типа Зимнича-Пловдив, А.Д. Александреску, перечисляя памятники, где присутствовала на тот момент керамика типа Зимнича, назвала Кэсчиоареле, Радовану, Доробанцу, Ульму (отмечая, что это памятники в составе культуры Кослоджень) в Румынии (юго-восток Мунтении), а также Пловдив и Маноле-Раскопаница на территории Болгарии (Alexandrescu 1973: 80). Резной же орнамент и для этих поселений Кослоджень — явление периферийное. И он сам нуждается в объяснении.

В этой связи замечу, что по общепринятому на сегодня мнению, именно продвижение на Нижний Дунай носителей северопричерноморской культуры позднего бронзового века Сабатиновка и их взаимодействие с нижнедунайской культурой Зимнича-Пловдив и привело к возникновению культуры Кослоджень. И специалисты в культуре Кослоджень давно отмечают особую близость к культуре Сабатиновка как раз поселений Ульму, Доробанцу, Султана. Прочитую: «Керамика некоторых поселений Кослоджень в Мунтении (Ульму, Доробанцу, Султана) имеет четкие аналогии в культуре Сабатиновка» (Irimia 2001: 184).

Между тем, хочу напомнить, что в Северном Причерноморье позднего бронзового века специфический резной орнамент (в том числе в виде косозаштрихованных треугольников) появляется еще в сабатиновское время (Черняков 1985: 73-83; Ванчугов 1993: 29). Также как и черпаки с выступом на перегибе ручки. И.Т. Черняков приводит целый ряд памятников Сабатиновки, где представлены черпаки с выступами на перегибе ручки (Черняков 1985: 69-83). В белозерской же культуре «по сравнению с сабатиновским временем количество черпаков резко сократилось» (Ванчугов 1993: 36). В.П. Ванчугов считает черпаки более ха-

ракторными для группы Балта, чем для белозерской культуры (Ванчугов 1990: 74, Ванчугов 1993: 36).

А.И. Мелюкова, рассматривая генезис черпаков белозерской культуры, отмечала их близость к черпакам белогрудовской и чернолесской культур. Но, писала она, «черпаки, по форме очень близкие к Белоградке и Белозерке, хорошо известны и в культуре Ноуа». Поэтому, она склонна была считать их «наследием предшествующей эпохи» (Мелюкова 1979: 57, рис. 17, 18). Аналогично и В.А. Дергачев отмечал: «Для столовой посуды культуры Ноуа наиболее специфичными являются чашевидные сосуды с S-овидным профилем с двумя, реже с одной ручками. Ручки чаще всего завершаются грибовидными, гребешковидными или стержневидными выступами» (Дергачев 1986: 159).

В культуре же Кослоджень, по наблюдениям первооткрывателей этой культуры черпаки с выступом на перегибе ручки очень редки, и аналогии им С. Моринц и Н. Анджелеску видели именно в культуре Сабатиновка (Morintz, Angelescu 1970: 407).

Поэтому, на мой взгляд, именно в Северном Причерноморье и Карпато-Днестровском регионе в эпоху поздней бронзы мы видим наличие сходных форм и возможных прототипов для черпаков типа Балта (подробнее: Романчук 2003: 106-107). При этом вполне возможно, что появление этих прототипов было обусловлено влиянием с запада, с территории Средней Европы — но влияние это относится еще ко времени Ноуа и Сабатиновки.

Таким образом, ни Зимнич-Пловдив в целом, ни такие поселения Кослоджень как Ульму, Доробанцу и Султана не отвечают требованиям комплексного характера трансляции признаков. Исследователи, пытающиеся возвести к «аспекту Радовану» генезис КРШК, игнорируют главную отличительную черту керамического ансамбля Радовану (доминанция «кантарос»), а обращают внимание на его периферийные признаки (отдельные случаи использования резного орнамента).

Что же касается собственно проникновения металлических изделий Вырбицкого и Дичевского очагов в Карпато-Поднестровье и Северное Причерноморье, то, как следует из анализа В.А. Дергачева, для эпохи поздней бронзы, для блока культур Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа, характерна «достаточно свободная циркуляция типов изделий» (Дергачев 1997: 37). Так что, например, серпы типа Дичево и кельты типа Ойнак из Дичевского очага металлообработки проникают на восток вплоть до Днепра (Дергачев 1997: 82, 84). И наоборот, северопричерноморские типы кельтов и серпов в эпоху поздней бронзы проникают даже в ареал культуры Зимнич-Пловдив. На этом фоне мы вправе ожидать, что и в Реуто-Днестровском междуречье или в ареале группы Балта будет наблюдаться распространение нижнедунайских типов. Однако, что касается серпов и кельтов, то этого не наблюдается. То есть, и ареал группы Балта и Реуто-Днестровское междуречье отличаются от остального Карпато-Поднестровья и Северного Причерноморья не большей, а скорее даже меньшей степенью связей с Нижним Подунавьем. Правда, В.И. Клочко отмечает в могильнике Гордеевка на Южном Буге, в непосредственной близости с ареалом группы Балта, однолезвийные ножи с прямой спинкой, которые он именует «ножи типа Кослоджень» и указывает им аналогии в Добрудже и Мунтении (Клочко 2003). Судя по этому ареалу, эти ножи относятся к продукции Дичевского очага. Однако в целом эти аналогии не выходят за рамки обычных для этой эпохи и данного региона связей — в том же Гордеевском могильнике присутствует и гораздо большее количество центральноевропейских типов изделий (например, ножи с горбатой спинкой), и даже изделий из Восточного Средиземноморья и с островов Средиземного моря (Родос, Крит).

С переходом к раннему железному веку картина связей Нижнего Подунавья и Северного Причерноморья резко меняется. Происходит «почти полное прекращение

связей» (Дергачев 1997: 16), если судить по металлическим изделиям. Как следует из карт В.А. Дергачева, ни северопричерноморские типы не проникают на Нижний Дунай, ни, наоборот, нижнедунайские — в Северное Причерноморье.

Применительно к проблеме истории КРШК картографирование В.А. Дергачева показало один чрезвычайно интересный факт, которого сам он, к сожалению, не заметил. Рассматривая распространение одного из северопричерноморских типов кельтов, — возникающего в НаА1 и бытующего в НаА2 – В1 типа Кардашинка, — В.А. Дергачев пишет, что ареал таких артефактов соотносится в целом с ареалом белозерской культуры; при этом литейные формы концентрируются в Нижнем Поднепровье (где эти кельты, очевидно, и изготавливали), а готовые изделия — в Киевском Поднепровье и в западной части белозерской культуры (Дергачев 1997: 13). На самом деле, как следует из карты В.А. Дергачева (Дергачев 1997: 83, карта 5), кельты типа Кардашинка образуют три четких пространственных кластера: Киевское Поднепровье, Нижнее Поднепровье и, наконец, ареал одной из ранних групп КРШК — группы Холеркань-Ханска (!) — правый берег Днестра, сразу ниже впадения в него Реута. Причем, совпадение с ареалом Холеркань-Ханска очень точное! На левом же берегу Днестра, в непосредственной близости от ареала Холеркань-Ханска, чуть севернее от поселения Холеркань — то есть, уже в ареале другой ранней групп КРШК — группы Балта (!), обнаружена и литейная форма типа Кардашинка. Значит, кельт и изготавливался носителями КРШК, а не только использовался. Кроме этого, в ареале Холеркань-Ханска отмечена и находка кельтов типа Завадовка (производного от Кардашинка), время бытования которого относится к НаВ1-НаВ3 (Дергачев 1997: 14). Мы видим, что и представители, по крайней мере, таких ранних групп КРШК, как Балта и Холеркань-Ханска, использовали исключительно северопричерноморские типы кельтов.

Итак, анализ распространения и культурной принадлежности металлических изделий (кельтов и серпов) эпохи поздней бронзы — раннего гальштата, восходящих к традициям Вырбицкого очага металлообработки на Нижнем Дунае, достаточно четко опровергает тезис о нижнедунайских истоках как культур Сахарна-Солончень и Козия, так и вообще исторической общности КРШК раннего гальштата Карпато-Поднестровья.

В заключение хотелось бы еще раз обратиться к вопросу о переходном звене от культуры Костиша к ранним группам КРШК. Обращает на себя внимание замечательный памятник — могильник Гордеевка на Южном Буге (Клочко 2003). По своему происхождению он связан с каким-то культурным импульсом из Карпатского бассейна и представляет собой уникальный по богатству памятник — очевидно, могильник элитной группы, контролировавшей торговый (прежде всего, «янтарный») путь по Южному Бугу, и, судя по находкам, поддерживавшей связи даже с Восточным Средиземноморьем. Как уже указывалось выше, расположен этот могильник всего в семидесяти километрах к северу от ареала группы Балта (Клочко 2003).

В этой связи я хотел бы обратить внимание на то, что кухонную керамику Гордеевки, а именно т.н. «баночные горшки», авторы раскопок связывают с тшинецко-комаровской культурной общностью. Причем они широко представлены уже в первых двух фазах развития Гордеевки. Однако, на мой взгляд, здесь, прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие в первых трех фазах Гордеевки тюльпановидных горшков. Они появляются только на четвертой, заключительной, фазе и представляют собой уже влияние белогрудовской культуры, возникшей на основе комаровской или тшинецко-комаровской. Между тем, по общему мнению, именно тюльпановидные горшки являются главным отличительным признаком комаровской и тшинецкой культур. Поэтому их отсутствие в керамическом ансамбле

Гордеевки противоречит тому, чтобы рассматривать этот могильник как составную часть тшинецко-комаровской культурной общности.

Кроме этого, термин «баночные горшки», вообще, достаточно аморфен. Под ним часто имеют в виду достаточно отличающиеся типы сосудов. Поэтому, если уточнять, то баночные горшки Гордеевки — это тип сосудов с почти прямыми стенками. Именно этот тип и является характерным для керамического ансамбля Костиши — кухонная керамика этой культуры представлена исключительно прямыми сосудами (Florescu 1970: 54, fig.1), в том числе и на поселении Борлешть, отнесенном М. Флореску к ранней фазе культуры Костиша.

В комаровской же культуре тип прямостенных горшков возникает, видимо, под влиянием Костиши. Так, на эталонном многослойном поселении Магала в Прикарпатье среди кухонной керамики из позднекомаровского слоя имеются разновидности баночных форм, которые, по мнению Г.И. Смирновой, нельзя вывести из типов, характерных для классических комаровских памятников (Смирнова 1976: 123). Вторая из этих разновидностей представляет собой «почти прямостенные банки». Прямостенные баночные горшки присутствуют и на поселениях комаровской культуры в Молдавии (Дергачев, Савва 1985: 66, рис.1, 17). Помимо них, исследователи этих памятников упомина-

ют и такой вид, как «тюльпановидные баночные горшки» — интересный гибрид, с менее отогнутым венчиком и пропорциями, более близкими к баночным горшкам (Дергачев, Савва 1985: 67).

Поэтому мне представляется очень возможным, что Гордеевский могильник и маркирует собой (разумеется, он представляет собой лишь «вершину айсберга») искомое переходное звено от культуры Костиша к ранним памятникам орнаментированного гальштата. Это кажется еще более вероятным, если учесть, что в четвертой, заключительной, фазе Гордеевского могильника широко представлены черпаки, в том числе с выступами на перегибе ручки, которые аналогичны черпакам группы Балта и вообще раннего горизонта КРШК (ср. по: Ванчугов 1993; см. также: Романчук 2003: 33, рис.6).

Напомню, что ранее Л.И. Крушельницкая уже попыталась возвести истоки КРШК именно к Гордеевскому могильнику. Но в качестве промежуточного звена исследовательница предложила непоротовскую группу чернолесской культуры, что явно не выдерживает критики, как это и показала М.Т. Кашуба (1999). Тем не менее, если исключить из этой гипотезы Непоротово, то, в свете приведенных выше наблюдений, возможно, что действительно у истоков КРШК стоит процесс гальштатизации Гордеевки. Но, разумеется, необходимо еще многое уточнить в этом вопросе.

- Бруяко И.В. 2005. Ранние кочевники в Европе (X – V вв до Р.Х.). Кишинев.
- Бруяко И.В. 2006. Исторические судьбы фракийцев Карпато-Днестровских земель // *Stratum plus* 2003-2004. №3.
- Ванчугов В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // *Древности причерноморских степей*. К.
- Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.
- Дергачев В.А. 1997. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтского региона. Кишинев.
- Дергачев В.А., Савва Е.Н. 1983. Раскопки комаровских поселений у с. Котля // АИМ в 1981 году. Кишинев.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев.

- Кашуба М.Т. 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // *Stratum plus*. №3.
- Кашуба М.Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // *Stratum plus*. №3.
- Клочко В.И. 2003. Металлические изделия Гордиевского могильника и проблемы культурогенеза на Правобережной Украине во II тыс. до Р.Х. // <http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/klochko.html>
- Левинский А.Н., Романчук А.А. 2006. Памятник культуры Сахарна-Солончень на Левобережье Днестра (Рашков-Млыны) // *Revista arheologică*. S.N. 2 (1-2).
- Мелюкова А.И. 1982. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончень в Молдавии // КСИА. Вып.170.
- Романчук А.А. 2003. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // *Stratum plus* 2001-2002. №3.
- Романчук А.А. 2004. Каннелированная орнаментация и датировка культуры Сахарна-Солончень // www.moldo.org
- Романчук А.А. 2008. Фруктовницы и хронология раннебасарабского времени на Среднем Днестре // *Древнее Причерноморье*. Вып. VIII. Одесса.
- Романчук А.А. 2008а. Басарабский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // *Stratum plus*. №3 (в печати).
- Смирнова Г.И. 1976. Магала I и некоторые проблемы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье // *Энеолит и бронзовый век Украины*. К.
- Смирнова Г.И. 1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников на Среднем Днестре) // АСГЭ. Вып.23.
- Смирнова Г.И. 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре // АСГЭ. Вып.25.
- Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. К.
- Alexandrescu A.D. 1973. La necropole du bronze recent de Zimnicea (dep. de Teleorman) // *Dacia*. N. S. T.XVII.
- Alexandrescu A.D. 1978. Sepulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman) // *Dacia*. N. S. Vol. XXII.
- Bassa B., Marghitan L. 1967. Așezarea hallstatiană de la Săulești // *Apulum*. VI.
- Czyborra I. 2005. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit // <http://www.diss.fu-berlin.de>
- Florescu M. 1970. Problemes de la civilisation de Costisa a la lumiere de sondage de Borlesti // *Dacia*. N. S. XIV.
- Gumă M. 1993. Civilizația primei epocii a fierului în sud-vestul României (Bibliotheca Tracologica IV). București.
- Gumă M. 1995. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review // *Thraco-Dacica*. T.XVI.
- Hänsel B. 1976. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. Bonn.
- Iconomu C. 1996. Cercetările arheologice din cetatea Pocreaca- Iași // *Arheologia Moldovei*. T.XIX.
- Irimia M. 2001. Descoperiri din bronzul târziu pe teritorial Dobrogei și unele probleme privind cultura Coslogeni // *Thraco-Dacica*. T.22 (1-2).

- Laszlo A. 1972. O aşezare halstattiană la Kozia (jud. Iași) // *Arheologia Moldovei*. T.VII.
- Leahu, V. 1978. Cu privire la raporturile culturii Tei cu unele culturi ale epocii Bronzului din Balcani // *SCIVA*. T.29. №1.
- Levinschi A.N., Romanciuc A.A 2006. Das Kulturdenkmal Saharna-Solonceni auf dem linken Dnjestrufel (Rascov-Mlini) // www.moldo.org
- Levițki O.G. 1994. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // *Relations Thraco-Illiro-Helleniques*. București.
- Morintz S., Angelescu N. 1970. O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni // *SCIV*. T.21. №3.
- Morintz S., Roman P. 1969. Un nou grup halstattian timpuriu în sud-vestul României - Insula Banului // *SCIV*. T.20. №3.
- Palincaș N. 1997. Ceramica Zimnicea-Plovdiv de la Căscioarele // *SCIVA*. T.48. №3.
- Ușurelu E. 2003. Considerații cu privire la culturile de tip Cozia-Saharna // *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău.
- Ușurelu E. 2006. Relațiile culturale ale comunităților bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistrean. Autoreferat al tezei de doctor în științe istorice. Chișinău.
- Vančugov V.P. 1996. Das Ende der Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerska-Kultur // *Eurasia Antiqua*. Bd.2.

SUMMARY

The article is dedicated to the topic of the genesis of CISP (Cultures with Incised and Stamped ornamentation of Pottery) community. The author gives some new arguments for the "Reut-Dniester" hypothesis, which was developed by him eight years ago. He puts the main accent on the considering of metal works ("kelt"-axes and sickles). He shows that the "Vyrbitsa's types" of "kelt"-axes which spread from the Lower Danube to the Carpathian-Dniester region during the Early Hallstatt, were not related with any culture of CISP community. These types of "kelt"-axes were brought to the Carpathian-Dniester region by ancestors of Kishinev-Korlateni Culture (i.e. the culture with the cannellure ornamentation of pottery).

In the contrary, the people of the Holercani-Hansca and the Balta Cultures of CISP's community had used the "Kardashinka type" and the "Zavadovka type" (i.e., the North-Pontic types) of "kelt"-axes only.

ПЛАНИРОВКА САБАТИНОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, ЕЕ ЛАНДШАФТНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Исследователи выделяют несколько типов планировки сабастиновских поселений. В Поднепровье, Тилигуло-Дунайском междуречье, где раскопки велись в основном небольшими площадями, зачастую бывает трудно реконструировать планировку на сколько-нибудь обширных участках поселений. Как правило, наиболее убедительными выглядят варианты, когда планировка определяется как уличная / линейная (данные по Поднепровью, например, см.: Шарафутдинова 1982: 18-20, по Северо-Западному Причерноморью, например, см.: Черниенко 2000: 496-497). В Побужье, где поселения исследовались большими площадями, наиболее хорошо изучена разнообразная планировка поселков (Шапошникова 1992: 81; Ключинцев 1995: 8-9; Южно-Украинская АЭС... 1995: 7). О.Г. Шапошникова выделила целый ряд возможных факторов, влиявших на общую архитектуру в Побужье в эпоху поздней бронзы (1992: 82).

Самой распространенной на сабастиновских поселениях была уличная планировка. Она изучена на поселениях, находящихся в различных геоморфологических условиях (см., напр.: Шарафутдинова 1982: 13,18; 19, рис.3; Черняков 1985: 32, 33, 36, 37, 43-44; Ключинцев 1995: 6,8). Такая застройка определялась, главным образом, наличием площади, позволяющей возвести один или несколько рядов домов на том или ином расстоянии друг от друга.

Своеобразно приспособление каменного домостроительства, в частности, уличной планировки на поселении Степовое, к расположению построек на пологих склонах-террасах (Шарафутдинова 1979: 422; Черняков 1985: 33, 43-44; Березанс-

кая и др. 1986: 89; Елисеев, Ключинцев 1997: 45; Черниенко 2000: 496) — террасный тип (схема) застройки по В.Н. Ключинцеву (1993а: 46; 1993: 6; 1995: 9).

Рассредоточенный тип застройки (Черниенко 2000: 496) возможен только на местности, где простор для строительства достаточно велик. Таков верхний стратегический горизонт поселения Щуцкое I, расположенного на пологой террасе левого берега р. Бакшалы (см.: Фоменко и др. 1993: 139; Южно-Украинская АЭС... 1995: 10, рис., 1; Черниенко 2000: 496).

Наиболее интересны поселения с плотной (сплошной) застройкой квартального типа и с квартально-гнездовой планировкой, которые лишь начинают вводиться в научный оборот (подробнее, в т.ч. библиографию, в частности, по использованию данной терминологии, см.: Черниенко 2000: 496-497). Об обусловленности данного феномена можно высказывать (и уже высказывались в литературе) лишь первые предположения. Прежде всего, отметим территориальную и хронологическую близость некоторых поселений с совершенно различными системами планировки (Фоменко и др. 1993: 139; Шапошникова 1992: 82) и, по предположению О.Г. Шапошниковой, хотя бы частичное их сосуществование. Так, поселение Виноградный Сад с квартально-гнездовой планировкой на значительной части его площади находится лишь в нескольких километрах от поселения Щуцкое I (Фоменко и др. 1993: 139). Более того, даже на территории одного поселения участки могут иметь различную планировку; отмечены также случаи изменения планировочной структуры на разных этапах (горизонтах) одного и того же памятника (см., напр.: